

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 11

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

12 МАРТА.

Рис. Ре-ми.

ДРАГОЦѢННОСТИ.

(Дроба воруютъ.)

— Только куда ихъ спрятать?.. Придется вынуть брилліанты изъ негоряемаго шкапа.

ВОПРОСЪ ПО СУЩЕСТВУ.

Онъ: — Я такъ провелъ сцену второго акта, что публика хлопать начала.
Она: — Бѣдняга! И больно?

Готовится къ печати большой многокрасочный
„ПАСХАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ“
 „НОВАГО САТИРИКОНА“

И поэтому, пока еще не поздно, я попробую хоть кое-какъ зарисовать ихъ на горько-смѣющихся страницахъ «Сатирикона»...

Пусть останутся для потомства хотя бы мои бѣглыя и слабыя зарисовки, если ужъ никто не догадался зарисовать ихъ лучше...

1. Уличный антисемитъ.

Въ сущности, это самый незлобивый и «веселый» типъ. Его любимое развлеченіе — показать проходящему еврею «свиное ухо», сдѣланное изъ полы...

И все...

Но когда онъ подрастаетъ, и невинно веселиться мѣшаетъ положеніе въ обществѣ, — «свиное ухо» замѣняется чѣмъ-нибудь другимъ.

Онъ, обыкновенно, въ переполненномъ трамваѣ или гдѣ-нибудь въ длинной очереди у вокзальной кассы начинаетъ замѣчать не порядки, исходящіе отъ ближайшаго еврея...

— Тутъ вамъ не Бердичевъ! Да-съ! — любитъ онъ отчеканивать, смакуя каждый звукъ этой, по его мнѣнію, очень язвительной фразы...

А, въ сущности, евреямъ такой антисемитъ нисколько не страшенъ. Они даже не понимаютъ, какъ слѣдуетъ, всей язвительности его традиціоннаго изреченія...

Въ самомъ дѣлѣ: почему «тутъ вамъ не Бердичевъ»? И какая разница? И при чемъ, вообще, Бердичевъ? Развѣ евреямъ, вообще, во всѣхъ городахъ плохо, и только въ Бердичевѣ — хорошо?...

2. Кабинетный.

Зато этотъ опаснѣе.

Онъ не показываетъ прохожимъ «свиного уха» и не язвить Бердичевымъ.

Онъ пишетъ книги, «ученія» статьи...

А это хуже свиного уха...

У него большая лысина. Ученый лобъ. Онъ получаетъ откуда-то деньги...

И пишетъ... Все пишетъ...

Печальныя, нехорошія вещи пишетъ онъ... Можетъ быть, онъ плачетъ когда-нибудь со стыда, уткнувшись безсовѣстной, проданной лысиной въ подушку...

Но кто узнаетъ про этотъ святой, всеискупляющій плачь?...

ТИПЫ АНТИСЕМИТОВЪ.

Предисловіе.

Три большихъ русскихъ писателя — Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ и Федоръ Сологубъ — горячо принялись за устройство широкой анкеты объ антисемитахъ.

И всегда вѣрилъ въ торжество правды и справедливости, и ни минуты, конечно, не сомнѣваюсь въ томъ, что послѣ этой анкеты въ Россіи не будетъ больше ни одного антисемита...

Эти непріятные, несимпатичные люди сразу исчезнутъ...

Надо полагать — сбѣгутъ куда-нибудь, сгорая со стыда и раскаянія...

3. Трусъ.

Онъ страдаетъ какой-то мистической боязнью передъ «еврейской силой»... Онъ убѣжденъ, что весь міръ находится въ «еврейскихъ рукахъ». И, слѣдовательно, стоитъ ему «слово сказать», какъ онъ пострадаетъ матеріально... И онъ, конечно, не «говоритъ»... Бойтсѣ... И даже наоборотъ: преувеличенно-любезенъ почти съ каждымъ евреемъ, ласковъ, милъ, уступчивъ, предупредителенъ...

А дома, оглядываясь на закрытыя окна и двери, сжимаетъ кулаки, скрежещетъ зубами, дико вращаетъ глазами и шепчетъ:

— Съ Новаго года, какъ Богъ святъ, перестану подавать жидамъ руку...

4. Литераторъ.

Типъ, сравнительно, новый.

Тутъ двѣ разновидности: нечестно-продажный и честно-неудачливый... О первомъ говорить не приходится, а мотивы антисемитизма второго весьма основательны: еврей мѣшаютъ ему стать великимъ писателемъ...

И онъ правъ!

Вѣдь давно извѣстно, что Пушкинъ, Толстой, Достоевскій, Чеховъ и всѣ остальные великіе писатели стали великими только потому, что сумѣли ловко перехитрить евреевъ...

Въ самомъ дѣлѣ: какъ послѣ этого не стать антисемитомъ?..

5. Анекдотистъ.

Его широко-ухмыляющаяся, красная, плоская, жирная и мягкая, какъ диванъ, рожа вамъ хорошо знакома... Вѣдь онъ только вчера, мыча отъ восторга, смачно рассказывалъ вамъ «свѣженькій» анекдотъ про чеснокъ и жида и еще о томъ, какъ онъ ѣхалъ въ Бадень-Бадень, а его vis-à-vis по купе, «богатый жидъ», тоже ѣхалъ въ «Гомель-Гомель»... Хо-хо-хо... Смѣшно, не правда ли?!

Что жъ, Богъ съ нимъ. Это одна изъ самыхъ невинныхъ, телячьихъ разновидностей антисемитскаго типа...

6. „Принципіально-теоретическій“ антисемитъ.

О, онъ, конечно, ничего не имѣетъ и никогда не имѣлъ противъ евреевъ, «какъ таковыхъ». У него всѣ друзья и пріятели — евреи... Но, видите ли, если взять, съ одной стороны, строеніе черепа у представителя семитической расы, а съ другой стороны — право господствующей національности, а съ третьей стороны — интересы реальной политики, а съ четвертой стороны...

Любить поговорить.

Кромѣ того — бездушень, трусливъ, тупъ и безпомощень.

Скучное ничтожество въ золотыхъ очкахъ.

7. Профессіональ-„черносотенецъ“.

Жалкое существо. Его обязанности не легки. Нужно каждый день придумывать антисемитскія сенсаціи, а гдѣ взять ихъ?.. Вотъ поляки — молодцы! Придумали эффектнѣйшую штуку: евреи въ гробу перенесли германцамъ нѣсколько милліоновъ... Какая прелесть!.. Но нельзя же этимъ гробомъ питаться цѣлые мѣсяцы... Какъ же быть?..

Покровители, субсидирующіе газетку, говорятъ глазами:

— Денежки, небось, получаютъ умѣете, а придумать, по причинѣ бездарности — не съ того-съ...

И, въ самомъ дѣлѣ, русскій професіональннй черносотенецъ тутъ на «талантливость»...

А какая это, если бъ вы знали, пытка — въ особенности, если пить-ѣсть хочется. Въ особенности — пить.

8. Выкрестъ.

Конечно, антисемитизмъ для него не обязателенъ. Но, видите ли, «хлѣбъ съ масломъ» хочется кушать каждому честному человѣку. Ну, а что же дѣлать, если люди еще пока съ предразсудками и немножко не любятъ евреевъ?..

Ничего не подѣлаешь — надо быть, какъ они...

На этомъ основаніи, онъ кричитъ телефонной барышнѣ, помедлившей соединить его съ нужнымъ номеромъ:

— Вы слышите, барышня?! Бросьте эти жидовскія штуки!.. Терпѣть не могу жидовства! Я — христіанинъ и не люблю засилія! Я на васъ пожалуюсь въ Святой Синодъ!..

Еф. Зозуля.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выходитъ въ свѣтъ новая книга
АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО:
„ВОЛЧЬИ ЯМЫ“.
(Военные рассказы.)

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Кое-что объ остроуміи.

Корреспондентъ изъ Копенгагена сообщаетъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“.

Вѣнцы придумали не лишенный остроумія (?) способъ собрать на нужды военной благотворительности 120,000 рублей.

Въ извѣстномъ шварценбергскомъ скверѣ, одномъ изъ прелестнѣйшихъ открытыхъ мѣстъ столицы Австріи, воздвигается конная статуя. Статуя будетъ слѣлана изъ дерева; и вотъ вѣнцы рѣшили покрыть всадника и лошадь желѣзной броней, вбивъ въ нее — шляпка къ шляпкѣ — огромное количество гвоздей. Право вбить одинъ гвоздь дается каждому, внесшему въ фондъ одну крону (около 40 коп.). Чтобы покрыть всю поверхность статуи, требуется 300,000 гвоздей.

Вотъ какой, въ буквальномъ смыслѣ, идиотскій способъ собиранія денегъ на военныя нужды копенгагенскій корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ называетъ „способомъ, не лишеннымъ остроумія“.

Пусть читатель разсудитъ безпристрастно — у кого больше вкуса: у „Новаго Сатирикона“ или у копенгагенскаго корреспондента, пришедшаго въ восхищеніе отъ деревенской лошади, обитой гвоздями.

Подкидчики.

До сихъ поръ подкидчики насчитывались единицами. Но чтобы существовала цѣлая нація подкидчиковъ — объ этомъ можно услышать впервые:

РИМЪ. Печать и общественное мнѣніе глубоко возмущены послѣднимъ, случайно раскрытымъ адскимъ замысломъ германцевъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ:

Въ гавань Венеціи прибыли два вагона, нагруженные 92 бочками пива, отправленными изъ Берлина въ итальянскія триполитанскія владѣнія. Въ виду возникшихъ подозрѣній одна бочка была вскрыта, и въ ней обнаруженъ жестяной цилиндръ, высотой во всю пивную бочку. Цилиндръ, герметически закрытый, содержалъ французскія ружья образца 1892 г., представлявшія, по всей вѣрсятности, военную добычу, взятую германцами у французовъ. При ружьяхъ находились и ихъ патроны.

Германцы собирались не только снабдить мятежниковъ въ Триполи оружіемъ, но и попытаться посѣять раздоръ между Франціей и Италіей, взваливъ на Францію отвѣтственность за посылку оружія въ итальянскія колоніи.

Шуллеровъ на зеленомъ полѣ въ такихъ же случаяхъ игроки избиваютъ.

Нѣтъ никакой причины сомнѣваться, что побьютъ неловкихъ шуллеровъ и на бранномъ полѣ.

864.

Изъ Амстердама сообщаютъ, что съ начала войны прекратился выходъ въ свѣтъ 864 германскихъ газетъ.

Столько было у нѣмцевъ побѣдъ, что газеты не вынесли такого страшнаго давленія, расправившаго ихъ изнутри, и лопнули.

Такъ что въ Германіи теперь печатнаго слова почти не существуетъ. Осталось одно непечатное.

Жупельное слово.

Взглядъ „Петрогр. Газеты“ на социалистовъ стоитъ на уровнѣ взгляда любого младшаго дворника (старшіе дворники теперь поумнѣли).

Именно, заканчивая статью о заступничествѣ социалиста Либкнехта за голодающихъ русскихъ, французскихъ и англійскихъ плѣнниковъ, „Петрогр. Газета“ говоритъ:

Необходимо сказать спасибо честному человѣку, поднявшему вопросъ о положеніи русскихъ невольниковъ, хотя бы и социалисту.

„Честному человѣку, хотя бы и социалисту“.

Недавно мы видѣли одного пьянаго чиновника, котораго выводили изъ ресторана... Влекомый швейцарами подъ руки, онъ кричалъ:

— Я дворянинъ, но горжусь!

Какъ этотъ чиновникъ смотрѣлъ на дворянство — такъ же и „Петрогр. Газета“ смотритъ на социализмъ.

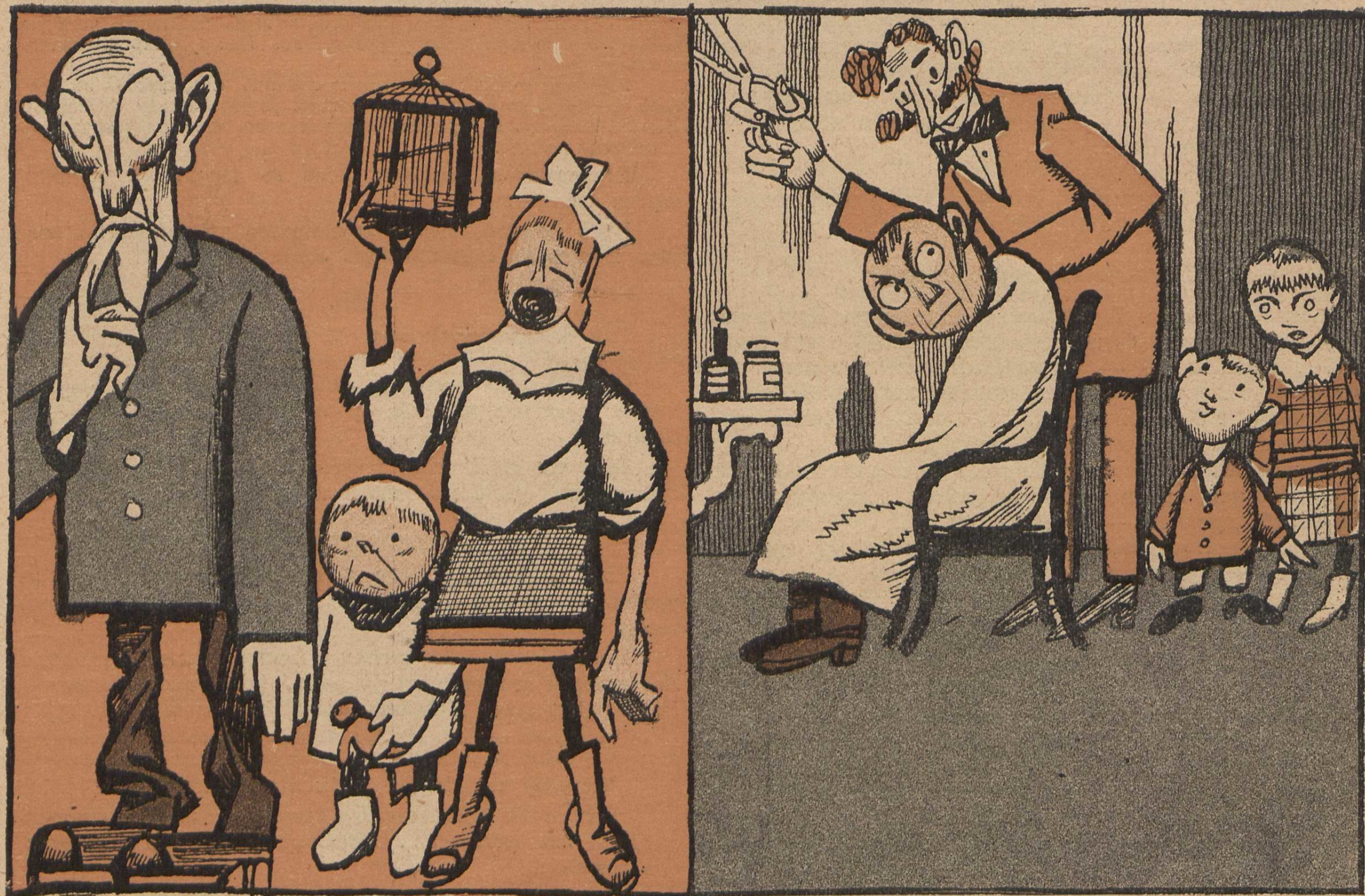
ПЕРЕОЦѢНКА ЦѢННОСТЕЙ
или
ГЕРМАНІЯ ГОЛОДАЕТЪ...

Рис. А. Радакова.

— О, какъ я была глупа, что боялась раньше мышей... я не знала, что онѣ напоминаютъ по вкусу цыпленка!...

— А я наоборотъ... Такъ раньше любила своихъ милыхъ кошечекъ! А теперь отношусь къ нимъ съ отвращеніемъ: я не знала, что онѣ такія жилистыя...

— Я знаю, кто съѣлъ мою маленькую канарейку!! Или кошка, или дѣдушка Густавъ!!

— Что это ваши дѣтки такъ внимательно смотрятъ, какъ вы меня бреете? Первый разъ они это видятъ, что ли?

— Они голодны, бѣдненькія... Ждутъ — не отрѣжу ли я нечаянно вамъ, какъ давеча одному кліенту, — кусочекъ уха.

ПРОФЕССИОНАЛЪ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

На скачкахъ или въ театрѣ — это не важно — бритый брюнетъ спросилъ бородатаго блондина:

— Видишь вотъ этого молодого человѣка съ темными усиками, въ пенснэ?

— Вижу.

— Это Мушуаровъ.

— Ну?

— Мушуаровъ.

Лошадь ли пробѣжала мимо, или любимая актриса вышла на сцену — не важно, но что-то, однимъ словомъ, отвлекло вниманіе друзей, и разговоръ о Мушуаровѣ прекратился.

И только возвращаясь со скачекъ или изъ театра — это не важно — бородатый блондинъ спросилъ бритаго брюнета:

— Постой... Зачѣмъ ты мнѣ давеча показаль этого Мушуарова?

— А какъ же! Замѣчательный человѣкъ.

— А я его нашель личностью совершенно незначительной. Что жъ онъ, сыворотку противъ чумы открыль, что ли?

— Еще забавнѣе. Пользуется безмѣрнымъ, потрясающимъ успѣхомъ у женщинъ!

— Дѣйствительно. При такой тусклой наружности — это замѣчательно.

— Непостижимо.

— Загадочно.

— Тайнственно.

— И ты не знаешь тайны этого безумнаго успѣха?

— Совершенно недоумѣваю.

А у Мушуарова, дѣйствительно, была своя тайна.

Скушавъ за своимъ одинокимъ столомъ супъ, котлеты и клюквенный кисель, Мушуаровъ съ зубочисткой въ лѣвомъ углу рта, поднимается съ мѣста и — сытый, отяжелѣвшій — лѣниво бредеть въ кабинетъ; усаживается удобнѣе въ кожаное кресло, поднимаетъ голову, будто что-то вспоминая (очевидно, номеръ одного изъ многихъ телефоновъ) и, наконецъ, нажавъ кнопку, цѣдитъ сквозь торчащую въ зубахъ зубочистку:

— Центральная? Дайте, барышня, 770—17. Благодарю васъ.

— Кто говоритъ? — доносится издалека свѣжій женскій голосъ.

— Вы, Екатерина Николаевна? Здравствуйте, Екатерина Николаевна. Здравствуйте...

Странно: въ голосѣ его звучитъ самая неподдѣльная хватающая за душу печаль.

— Мушуаровъ? Здравствуйте. Что скажете?

— Что скажу? Скажу, что вы должны быть нынче вечеромъ у меня. Слышите? Я такъ хочу.

— Послушайте... Опять за старое? Вѣдь я вамъ уже сказала, что не люблю васъ, и, право, удивляюсь...

— Екатерина Николаевна, — тихо, съ какой-то странной сдержанностью отчеканиваетъ Мушуаровъ. — Конечно, всякій воленъ поступать, какъ ему заблагоразсудится, и я даже смотрю на это дѣло такъ: всякій имѣетъ право умертвить другого человѣка, если, конечно, душа его молчитъ и ему не страшно принять кровавый грѣхъ на эту душу...

— Кто кого умерщвляетъ? Что вы такое говорите?

— Слово «умерщвляетъ» я употребилъ въ фигуральномъ смыслѣ, но это почти такъ...

Онъ дѣлаетъ долгую паузу. Эта пауза леденитъ сердце Екатерины Николаевны. Ей кажется, что Мушуаровъ въ этотъ моментъ подперъ голову рукой и погрузился въ мрачныя мысли.

Однако, пауза дѣловаго Мушуарова не пропадаетъ даромъ: онъ успѣваетъ взглянуть на часы, поправить отстегнувшійся брелокъ и бросаетъ въ корзину для бумагъ какой-то скомканный конвертъ, неряшливо бѣлѣвшій на коврѣ.

— Да... Итакъ — прощайте, Екатерина Николаевна... Довольно. Я рѣшилъ вамъ сказать объ этомъ потому, что думаю — вамъ такъ будетъ легче.

— О чемъ сказать? Я васъ не понимаю.

— Не понимаете? — криво усмѣхается въ трубку Мушуаровъ. — Вы меня всю жизнь не понимали... А сейчасъ у меня къ вамъ одна просьба: ради Бога, не ходите ко мнѣ на панихиды, не провожайте меня на кладбище — терпѣть не могу всей этой пошлятины.

— Мушуаровъ!!! — тонкой струной болѣзненно звенитъ

голосъ невидимой Екатерины Николаевны. — Съ ума вы сошли? Что вы такое говорите!!

— Екатерина Николаевна, — горько смѣется Мушуаровъ, — телефонъ многіе ругаютъ, но вотъ вамъ одно изъ его преимуществъ: вы со мной говорите, слышите сейчасъ мой голосъ, но удержать меня отъ того, что я задумалъ, измѣнить мое рѣшеніе — вы не можете! Когда вы повѣсите трубку, то черезъ пять минутъ...

Голосъ его срывается отъ волненія; онъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана часы, хлопаетъ крышкой раза два у самой телефонной трубки и, закусивъ губы, говоритъ со стономъ:

— Слышите вы это щелканье курка? Мой маузеръ чувствуетъ кровь и щелкаетъ зубами, какъ голодный волкъ передъ кровавымъ пиромъ!...

— Мушуаровъ, милый... Ради Бога, одну минутку, — доносится издалека торопливый, испуганный голосъ. — Подождите, не вѣшайте трубку... Дайте мнѣ честное слово, что вы не повѣсите трубку, пока меня не выслушаете...

— Хорошо, — соглашается Мушуаровъ. — Ради того чувства, которое теперь уноситъ меня въ невѣдомый міръ, я выслушаю васъ.

— Мушуаровъ, голубчикъ! Подумайте только, — что вы хотите сдѣлать?.. Жизнь такъ прекрасна...

— Безъ васъ? Ха-ха-ха! Вы меня смѣшите, Екатерина Николаевна. Нѣтъ, ужъ — что тамъ и говорить...

— Мушуаровъ! Еще одну минутку... Вы ради меня не должны дѣлать это съ собою! Подумайте, какой вы готовы мнѣ ужасъ, какая предстоитъ мнѣ страшная жизнь... Жить съ сознаниемъ, что на твоей совѣсти смерть человѣка... Пожалѣйте меня, Мушуаровъ!

— О Екатерина Николаевна! Къ чему такія громкія слова? Черезъ двѣ-три недѣли ваши терзанія утихнутъ, а черезъ годъ-два вы и думать позабудете, что гдѣ-то, когда-то жилъ такой сѣрый, незамѣтный человѣчекъ Мушуаровъ, который умеръ потому, что любилъ. Что я вамъ такое? Кустикъ при дорогѣ, мимо котораго проходитъ путникъ по своимъ дѣламъ; смялъ путникъ своей ногой этотъ кустикъ и даже не замѣтилъ своего поступка...

— Мушуаровъ! Вы не сдѣлаете этого.

Горько смѣется Мушуаровъ.

— Ну, не будемъ объ этомъ говорить, Екатерина Николаевна. Довольно. У меня лежатъ двѣ ваши книги. Мои родственники потомъ, конечно, не откажутся выдать ихъ вамъ... Что еще? Да! Я вамъ проигралъ на пари цвѣты, не успѣлъ послать — извините меня... Прощайте, Екатерина Николаевна... Не поминайте лих...

— Постойте!!! Мушуаровъ!!! Ахъ, какъ вы меня мучите...

— А вы думаете, мнѣ легко?

— Одну минутку!!! Чего вы отъ меня хотите?

— Я? Отъ васъ? Богъ съ вами. Ничего я отъ васъ не хочу. Да-а... А, въ сущности, какое это странное чувство... Черезъ пять-шесть минутъ...

— Постойте!!! Вѣдь вы просили, чтобы я къ вамъ... пріѣхала?

— Екатерина Николаевна! Не будемъ говорить о томъ, что невозможно!

— Ну... а если бы, я... пріѣхала?..

— Къ чему? Пріѣдете, чтобы сказать, что вы ко мнѣ равнодушны? Нѣтъ, зачѣмъ же. Я насиловать вашу волю не хочу. Я не такой. И такъ — прощ...

— Одну минутку, сумасшедшій!! Ну, а если мнѣ просто хочется васъ видѣть — можно къ вамъ пріѣхать?

— Что жъ... пріѣзжайте.

— И вы даете мнѣ слово, что до моего пріѣзда... вы... не выкинете никакого... безумства...

— Ха! Ха! Вы хотите сдѣлать осужденному маленькую отсрочку? Что жъ... спасибо за милосердіе.

— Мушуаровъ, Мушуаровъ... Что вы со мной дѣлаете!..

Пауза.

— Мушуаровъ... Черезъ часъ я буду у васъ.

— Дворянская, второй домъ отъ угла, парадная дверь, третій этажъ, дверь налѣво. Я самъ вамъ открою.

Гдѣ-то далеко отъ Дворянской (второй домъ отъ угла) мечется сердобольная женская душа; какъ подстрѣленная охотникомъ птица, мечется женщина, натыкаясь на стулья и двери, въ поискахъ шляпы, кофточки, боа...

Ласковое слово.
— О, гдѣ-то сейчасъ мой возлюбленный — мое милое стоеросовое дерево...

— Почему это толпа идетъ за этимъ человѣкомъ?
— Замѣтили, что онъ вынулъ папиросу: ждутъ — не выброситъ ли онъ обгорѣлую спичку. Все-таки, дрова.

Пожарный: — Господинъ! Огонь уже пробрался въ вашу комнату! Чего же вы не спасаетесь?!
Квартирантъ: — О, добрый господинъ! я такъ давно не грѣлся около огонька... Дайте мнѣ посидѣть еще минутку!.

Нужно торопиться, потому что Богъ знаетъ, что можетъ произойти отъ ея промедленія на Дворянской, второй домъ отъ угла.

А на Дворянской происходитъ вотъ что:

— Марья! — кричитъ Мушуаровъ, поднимаясь съ кресла. — Приготовь самоваръ, купи конфетъ, тѣхъ, знаешь, что я давеча говорилъ, да грушъ купи, что ли... яблокъ. А сама потомъ проваливай, куда хочешь.

— «Проваливай», — ворчитъ, на кухнѣ обиженная Марья. — Самъ бы ты лучше провалился. И вѣдь поди жъ ты, — мозглякъ, кажется, такой, что и глядѣть не на что. А баба къ нему прямо стѣной идетъ. Слово онъ такое знаетъ, что ли, али что?..

У Мушуарова впереди еще часъ. Дѣлать нечего, а настроеніе хорошее. Надо дать исходъ живымъ силамъ, буйно бродящимъ внутри.

— Марья-а-а!

— Чего кричите? Тута я.

— Дай мнѣ рубашку.

— Уходить думаете?

— Не твое дѣло. Постой... Какую же ты мнѣ рубашку даешь... ночную? Дура! мнѣ нужно съ твердыми манжетами.

— Вотъ извольте. Чистенькая.

— Безтоlochъ! Ты мнѣ грязную дай. Которую я давеча надѣвалъ.

— Эва! Да вѣдь она грязная.

— Ой! Что это за женщина! Она меня въ могилу сведетъ. Если ты такъ глупа, то исполняй мои приказанія буквально! Возьми изъ грязнаго бѣлья ту сорочку, которую я снялъ вчера, и принеси мнѣ. Поняла? На одну минуту! Потомъ унеси. Поняла?

Со вздохомъ бредетъ Марья на кухню. Приносить сорочку.

— Гдѣ лѣвая манжета? Вотъ эта? Хорошо, что ты еще въ стирку ее не вздумала отдать. Гдѣ тутъ карандашомъ записано? А, вотъ! 237—542. А теперь забирай свою дурацкую рубашку и проваливай. Центральная? Алло! Дайте, барышня, 237—542. Отъ всего сердца спасибо. Это кто у телефона?... Горничная? Позови, голубушка, барыню. Скажи, Мушуаровъ проситъ. Постой, постой... Ты такъ и скажи: «проситъ, дескать, къ телефону господинъ Мушуаровъ, и что они, моль, будто не въ себѣ. Будто, моль, что-то случилось». Поняла?

Ждетъ Мушуаровъ. Беретъ изъ вазочки остро-отточенный карандашъ, начинаетъ рисовать человѣка съ неувѣреннымъ профилемъ и глазомъ, похожимъ на французскую булку.

— Алло! — слышитъ онъ. — Что такое случилось, Мушуаровъ? Чѣмъ вы такъ взволнованы?

— Ничего особеннаго, — говоритъ Мушуаровъ, часто и тяжело дыша. — Ничего, ничего... Только я хотѣлъ спросить: нѣтъ ли у васъ случайно револьвера?

— Револьвера? Нѣтъ, не имѣется. А вамъ на что?

— Да такъ, знаете. Воры, можетъ быть, залѣзутъ, такъ я... въ нихъ... Впрочемъ, лучше не спрашивайте, нѣтъ! Не нужно ничего у меня спрашивать...

— Успокойтесь, я не любопытна. Это все, что вы хотѣли у меня спросить? Ну, всякихъ вамъ благъ.

— Постойте, Вѣра Петровна... Я у васъ еще что-то хотѣлъ спросить...

— Ну?

— У васъ случайно нѣтъ опиума? Или кусочка ціанистаго кали?

— Тоже для воровъ? Послушайте, Мушуаровъ... Вѣдь это же не крысы, которыхъ можно травить мышьякомъ. Подумайте, вамъ нужно сначала поймать вора, потомъ связать его, потомъ всунуть ему въ ротъ ціанистый кали — сколько возни!..

Изъ трубки вылетаетъ цѣлый снопъ серебристаго смѣха. Мушуаровъ болѣзненно морщится.

— Къ чему вы... такъ? Не хорошо смѣяться надъ человѣкомъ, который...

Онъ дѣлаетъ паузу, отпивая изъ стакана чай и снова взглянувъ на часы.

Издалека спрашиваютъ:

— Который... что?

— Котораго вы, можетъ быть, больше не увидите.

— Въ Австралію уѣзжаете?

— Нѣтъ, — глухимъ голосомъ отвѣчаетъ Мушуаровъ. — Но вы мнѣ вчера сказали, что вы любите другого, и что я для васъ нуль. Остальное — поймите.

— Голубчикъ, Мушуаровъ... Но что же дѣлать, если это такъ?!

— Пожалуйста! Пожалуйста! Я вѣдь ничего и не говорю. Но только... я самъ не знаю, почему я къ вамъ позвонилъ. Мнѣ такъ хотѣлось въ послѣдній разъ услышать вашъ голосъ...

— Въ послѣдній разъ? Эй, эй, вы! Дядя! Да вы не думаете ли изъ-за меня стрѣляться?

— Вѣра Петровна! И вы говорите объ этомъ — такимъ гономъ?

— Извините, если я васъ обидѣла. Ну, давайте поговоримъ, какъ слѣдуетъ. Вы хотите изъ-за меня стрѣляться?

— Да... Вѣра... Петровна... Къ чему эта глупая скучная волянка, называемая жизнью, если вы не хотите быть моей?

— Такъ если же я васъ не люблю. Ну, что же мнѣ дѣлать? Посудите сами!

— Что жъ... Склоняюсь передъ судьбой. Значитъ,

какъ ужъ у меня на роду написано. Ну... Не поминайте лихомъ...

— До свиданія, милый...

— Послушайте! Вѣра Петровна... И неужели вамъ меня ни капельки не жалко?

— Ну, какъ не жалко. Жалко. Только я думаю, что вы этого не сдѣлаете.

— Вѣра Петровна... Ровно въ 12 часовъ ночи однимъ глупцомъ съ пробитымъ пулей вискомъ станеть на нашей нелѣпой планетѣ меньше.

— Вы это рѣшили категорически?

— Да!

— И ничто уже не измѣнитъ вашего рѣшенія?

— Да!

— Печально. Въ такомъ случаѣ, прощайте. Все-таки — желаю вамъ одуматься.

— Нѣтъ! Одуматься? Ха-ха! Что Мушуаровъ рѣшилъ — это свято! Завтра меня не будетъ въ живыхъ.

Онъ молчитъ, судорожно дыша. Послѣ нѣкоторой паузы говоритъ тихо, раздѣляя слоги:

— Прощайте. Не поминайте лихомъ...

Склонивъ голову, ждетъ отвѣта.

— Алло! Я говорю — прощай-те!.. Не поминайте лих... Вѣра Петровна! Вы у телефона? Алло! Барышня! Почему вы разъединили? Что? Тамъ трубку уже повѣсили? Не можетъ быть!! Дайте туда звонокъ. Алло? Вѣра Петровна?..

— Да, это я, Мушуаровъ? Что вы еще хотѣли сказать?..

— Насъ разъединили.

— Нѣтъ, это я сама повѣсила трубку. Вы что же, еще что-нибудь хотите сказать?

— Да. У меня одна къ вамъ просьба...

— Пожалуйста. Если смогу...

— Одна къ вамъ просьба: не приходите ко мнѣ на панихиду, и не провожайте на кладбище... Это такая пошлятина — эти всѣ разговоры, пересуды... Обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Ну... пр... прощайте. Благослови васъ Господь.

— Мерси. Всѣхъ благъ.

Слышенъ стукъ повѣшенной трубки. Мушуаровъ долго сидитъ, ошеломленный. Проводитъ рукой по лбу.

— Вотъ дрянь-то! Кто бы могъ ожидать? Шель почти навѣрное и — на тебѣ! Ну, и чортъ съ ней. Однако, это плохо, что такъ вышло. Завтра смѣяться еще будетъ, другимъ расскажетъ... Гм!..

Долго ходитъ по своему кабинету Мушуаровъ, потирая лобъ и бормоча невнятные слова...

Наконецъ, рѣшительно подходитъ къ столу, придвигаетъ листъ толстой почтовой бумаги. Пишетъ:

«Вѣра Петровна. Какъ странно: былъ я боленъ и вдругъ сразу будто выздоровѣлъ, будто прозрѣлъ... Я васъ любилъ... Боже ты мой, какъ я васъ любилъ! Жизнь безъ васъ казалась мнѣ пучиной мрака... Вы мнѣ казались идеальной женщиной, свѣтлымъ лучомъ, ангеломъ доброты и ласки... И, не получивъ вашей любви, я рѣшилъ умереть. Мое рѣшеніе было безповоротно, и о немъ я сказалъ вамъ, думая, что такъ для насъ обоихъ будетъ легче. Я сказалъ вамъ... И на что же я наткнулся — я, уже приговорившій себя къ смерти?! На издѣвательство, смѣхъ, холодное, ледяное равнодушіе влюбленной въ себя эгоистки... И подумалъ я: изъ-за такой женщины — умирать? Изъ-за такого черстваго сухаря, не способнаго на высокій подъемъ души — лишать себя жизни? Нѣтъ! Она не достойна этого! И я рѣшилъ жить, убивъ свою любовь и взрастивъ на ея мѣстѣ холодное полупрезрительное равнодушіе... Нѣтъ! Не ради васъ Мушуаровъ разстанется со своей безумной жизнью. Вотъ о чемъ я нынче продумалъ всю ночь, и о чемъ сейчасъ, измученный этой безсонной ночью — пишу. Прощайте. Когда-то вашъ —

Спиридонъ Мушуаровъ.»

Въ передней раздался звонокъ.

— Пришла?—подумалъ Мушуаровъ, заклеивая письмо. — То-то же. Все-таки, какъ-никакъ, а процентовъ шестьдесятъ на этомъ дѣлѣ очищается...

Аркадій Аверченко.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУПЫ.

(О людяхъ, которыхъ читають.)

I.

Въ немъ рокъ бездарность съ хамствомъ сплавиль;

Пришелъ онъ громокъ и нечистъ

И въ оправданіе представилъ:

— Я, извините, футуристъ...

Два раза плюнулъ въ грудь культуры,

Сказалъ три фразы наобумъ,

И дураки литературы

Благословили этотъ шумъ.

Теперь онъ властвуетъ сердцами,

Своей побѣдой упоень,

Литературными скопцами

Превознесенъ и восхваленъ.

И самъ смѣясь: «Вотъ это вкусы!»,

Речетъ толпѣ минутный царь:

«Кругомъ талантливые трусы

И обнаглѣвшая бездарь».

II.

Былъ когда-то самородкомъ,

Полнымъ юношескихъ силъ,

И съ небритымъ подбородкомъ

По редакціямъ ходилъ.

И прощали самородку

Скуку темъ и букву ять,

За одну косоворотку

И умѣнье голодать.

И редакторъ, и издатель —

Кто его не выдвигалъ!..

Лишь обиженный читатель

Унизительно зѣвалъ.

Не люблю я самородковъ,

Что умѣютъ пролѣзать,

За небритость подбородковъ,

И умѣнье голодать.

III.

Онъ похожъ на зародыша въ крѣпкомъ спирту.

При его приближеніи несетъ панихидой.

Онъ доносы лелѣетъ въ душѣ, какъ мечту,

Вѣчно полонъ какою-то злобной обидой.

На однихъ онъ сердитъ за большой гонораръ,

На другихъ — за умѣнье писать веселѣе.

Онъ пыхтитъ и свиститъ, какъ плохой самоваръ;

Этотъ маленькій прыщъ всѣмъ садится на шею.

Здѣсь редактора въ уголь тайкомъ отведетъ

И шепнетъ, озираясь: «За этимъ — смотрите...»

Тутъ о близкомъ пріятелѣ гадость совретъ,

И плетутся кругомъ ядовитыя нити.

И за этой позорной и глупой игрой

Онъ ни разу разсудкомъ еще не увидѣлъ,

Что не люди его обижаютъ порой,

А за-разъ его Богъ при рожденіи обидѣлъ.

IV.

Онъ врагъ приличій и стыда,

Считая ихъ за донкихотство;

Ему богема, и нужда

Вселила ужасъ къ благородству.

Перепечатавъ девять разъ

Разсказъ пустой и безтолковый,

Онъ тотъ же пакостный разсказъ

Вамъ норовитъ отдать, какъ новый.

Еще поэтава жена

Разсказъ тотъ самый къ вамъ носила, —

На немъ печать временъ видна,

И борода Маэусаила...

И сознавая, что обманъ

Не можетъ долго продолжаться,

Онъ все же будетъ, какъ цыганъ,

О гонорарѣ торговаться.

И жадно алчная рука

Авансомъ трешницу хватаетъ...

А тамъ, внизу, у кабака

Пріятель хмуро ожидаетъ.

Хотѣлъ смотрѣть бы равнодушнѣй

На нашъ литературный бытъ,

Но... слишкомъ тяжело въ конюшнѣ,

Лишеннымъ шкуры и копытъ...

Арк. Буховъ.

БУДУЩЕ ДАЧНИКИ.

— Доримедонтъ Петровичъ Соковъ,
Мое почтенье, сколько лѣтъ!..
Дѣтишки какъ?
— Отправилъ въ Краковъ;
А съ тещей вышелъ камуфлетъ.

— Какой?
— Да ужъ не говорите,
Старухѣ только и рѣчей:
Особнячекъ сняла въ Тильзитѣ,
А особнякъ-то — безъ печей...

— Да, скверно... Ну, а Топорковы?
— Во Львовѣ думаютъ пожить.
Синицыны и Дерунковы
Хотятъ къ нимъ въ гости прикатить.

— А Желтоцвѣтовъ?
— Онъ въ Галатѣ,
Снялъ за гроши тамъ ателье;
Вотъ, пишетъ мнѣ о Талаатѣ,
Что слабъ старикъ, моль, не тае...

— А Буркина?
— Та въ Трапезундѣ,
Живетъ нахлѣбниками ужъ
И хочетъ въ трапезундскомъ грунтѣ,
Развестъ питомникъ сладкихъ грушъ.

— А Стопкины?
— Ну, эти что же!
Кажись, застряли въ Дибунахъ:
Поближе къ службѣ; не похоже,
Что Стопкины въ этакихъ чинахъ...
Прощайте!..

— Будьте здоровеньки,
Да вы куда?
— Я-съ — къ очагу...
Снялъ въ Киркилиссе, въ деревенькѣ,
Даченку я, на берегу...
А вы?

— Да стыдно и признаться, —
Все въ Озеркахъ до этихъ поръ;
Какъ будутъ фонды поправляться, —
Чирикну прямо на Босфоръ!

А. С. Гринь.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Таинственный незнакомецъ Петръ Юркинъ выпустилъ книжку своихъ стиховъ.

Читателю, вѣроятно, очень интересно: какъ это Петръ Юркинъ сочиняетъ стихи? Большой ли талантъ отъ Бога данъ Петру Юркину?

Вотъ какой талантъ у Петра Юркина и вотъ какіе стихи сочиняетъ Петръ Юркинъ:

Сюрпризъ татап.

*Утромъ весеннимъ за чашечкой чая,
Къ зятю татап измѣнила свой тонъ,
И дочка, открыто его выручая,
Матап отвѣчала: pardon,
Матап, бросимъ ссоры, бросимъ мы распри:
Знаю я все, почему этотъ тонъ.
Вспомни ты Ниццу и съ ней островъ Капри,
Боря былъ скрыто въ тебя тамъ влюбленъ.
Но ночи безмолвья, волнъ морскихъ ропотъ
Дали понять мнѣ — обманута я.
Грусть я скрываю, храня въ сердцѣ ропотъ,
Вотъ переноситъ что дочка твоя!*

Даже въ тривиальномъ образѣ взаимоотношеній зятя и тещи — Петръ Юркинъ сумѣлъ остаться совершенно оригинальнымъ, болѣе того — ошеломляющимъ.

Въ другихъ случаяхъ Петръ Юркинъ — просто — изящно игривъ. Напримѣръ:

Розъ на груди дѣвушки.

*За игру опьянительныхъ глазъ,
И улыбочку души минутную,
Огонечекъ любви въ немъ не гасъ,
Сердце рвалось къ ней въ душу уютную.*

*Капризанка, увлекшись на мигъ,
Съ него жертву просила цвѣточную.
Онъ украдкой къ клумбѣ приникъ,
И похитилъ тебя, безупречную.*

Правда, „цвѣточная“ и „безупречная“ — рима не совсѣмъ безупречная, но этотъ пустякъ искупается ласковостью и нѣжностью авторской души: улыбочка, огонечекъ, даже „украдошка“.

Войны Петръ Юркинъ касается довольно мило:

*Поодаль курится овиъ,
Дымокъ ползетъ лужкомъ къ домишкамъ.
Не зналъ я раньше грусти минъ,
Ихъ въ сердцѣ много, даже слишкомъ!
Но не могу понять вины,
За что минированъ я высью.
Иль грусть мнѣ брошена съ войны?
Тогда съ какой-нибудь корыстью.*

Ясно, что разъ поэтъ Петръ Юркинъ минированъ высью, то иныхъ стиховъ, кромѣ вышеприведенныхъ, онъ писать не можетъ...

Однако, и на солнцѣ есть пятна... Полное недоумѣніе вызываютъ у скромнаго читателя пылкія строки, обращенныя къ:

Федору Ивановичу Шаляпину:

*Пока ты моя! (?) Я дышу лишь тобою,
Смогу ль замѣнить чѣмъ твою красоту...
Готовъ идти въ бой съ непокорной судьбою
Спасая, какъ жемчугъ, твою чистоту.*

Нѣкоторыя мѣста въ этомъ странномъ стихотвореніи съ полной ясностью свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ находится въ заблужденіи относительно пола знаменитаго пѣвца (какъ извѣстно Шаляпинъ — мужчина, и авторъ, называя его „своей“, ставитъ г. Шаляпина въ очень неловкое, двусмысленное положеніе передъ его семьей, родными и друзьями).

Но если не считать этого страннаго стихотворенія, то всѣ произведенія Петра Юркина должны быть признаны достойными вниманія, заучиванія наизусть и постановки Петру Юркину памятника на одной изъ бойкихъ улицъ Петрограда...

„ЗРѢЛИЩЪ“...

Нѣмцы тощѣ однажды —
Много странностей въ ихъ расѣ! —
Безконечною толпою
Запрудили Фридрихштрассе,
И, — разгнѣваны, суровы,
Преисполнены печали, —
Всей толпою: — «Зрѣлищъ!.. Зрѣлищъ!»
Нѣмцы тощѣ кричали...

Я подумалъ: — Что ты, нѣмецъ?!
Хлѣба чернаго тебѣ бы!..
Нѣмцы жъ, слышу, просятъ зрѣлищъ
И совсѣмъ не просятъ хлѣба!..

Неужели, неужели
Наши врутъ газеты паки,
И, нужды ни въ чемъ не зная, —
Благоденствуютъ пруссаки?!

Если зрѣлищъ просятъ нѣмцы, —
Значитъ, хлѣба есть довольно!..
Лишь подумалъ я объ этомъ,
Стало грустно мнѣ и больно...

А вокругъ — шумѣли нѣмцы,
И, затерянный въ ихъ массѣ,
Какъ волна — въ пучинѣ моря,
Я шагаль по Фридрихштрассе...

Вдругъ толпа остановилась
Предъ какою-то витриной —
И, мгновенно, стала тихой
И примѣрно стала чинной!..

Но утѣшила пруссаковъ
Въ этотъ мигъ какая сила?
Неужели предъ толпою —
То, чего толпа просила?

Всѣ стоятъ благоговѣнно...
Но — предъ чѣмъ, о силы неба?
Вижу!.. Понялъ: въ той витринѣ —
Цѣлый фунтъ ржаного хлѣба!!!

И дивится тощій нѣмецъ,
И часами, изможденный,
Все стоитъ онъ предъ витриной,
Рѣдимъ зрѣлищемъ плѣненный!..

Михаилъ Пустынинъ.

ВЕРБА.

Вы видѣли, какъ гимназистка первый разъ
 Вуаль надѣнетъ, какъ «совсѣмъ большая»?
 О, сколько радости тогда въ мерцаньи глазъ,
 Какъ все сторонится, пути ей уступая!..
 Вѣдь отъ нея вуаль закрыла дѣтство, —
 Въ ея чертахъ, походкѣ, такъ ясны
 Уже всѣ тайны женскаго кокетства
 И близость первой чувственной весны...
 И верба тоже, чуть покроетъ почки
 Пушкомъ Весны, — какъ дѣвушка она...

И къ ней съ улыбкой, въ вышитой сорочкѣ
 Лянетъ вешній день, а верба — влюблена!..
 Когда жъ ихъ кучей сложать у амвона
 И раздадутъ для драки «малымъ симъ», —
 То грусть Весны ихъ кротко-благовонна
 И роль хлыста такъ не подходитъ имъ!..

Та гимназистка съ первою вуалью
 И эта вербочка, покрытая пушкомъ, —
 Какъ ихъ расцвѣтъ душѣ моей знакомъ,
 Какъ странно онъ граничить въ ней съ печалью!..

Сергѣй Михѣевъ.

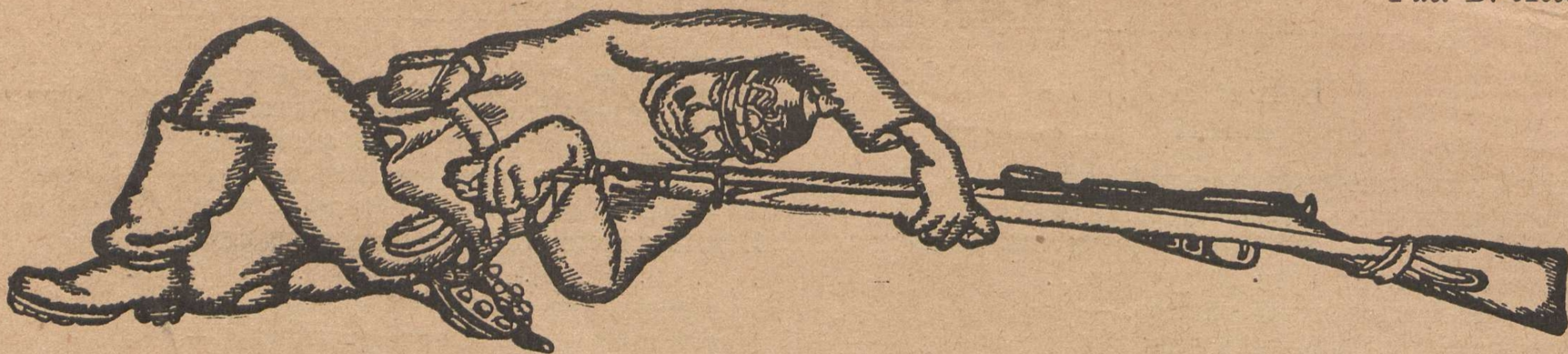
Рис. Ре-ми.

У НИХЪ И У НАСЪ.

Толстый: — Здравствуй, русскій... Ты куда?

Худой: — Здравствуй, братъ нѣмецъ... Я иду изъ нѣмецкаго плѣна въ Россію. Доктора настойчиво рекомендуютъ мнѣ пополнѣть. А ты куда?

Толстый: — Я ѣду изъ русскаго плѣна въ Германію. Доктора предписали мнѣ похудѣть!

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почте, даже при условии присылки марок.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайных сотрудников. Рукописи, не востребованные в течение 3-х мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Яша Буцу. — „Если я буду часто у васъ работать, — спрашиваетъ Яша Буцу, — то можетъ ли „Новый Сатириконъ“ на мнѣ (?) тоже держаться“.

Можетъ. Какъ висѣльникъ на веревкѣ.

Герасимову. (Угрюмому). — Онъ проситъ: — „Только въ вашемъ „Почтовомъ ящикѣ“ не дѣлайте изъ меня дурака“...

Съ этой просьбой лучше адресоваться къ Богу и родителямъ. Мы тутъ ни при чемъ.

Мечтателю съ Кирочной. — Подъ шумокъ военной суматохи и возни Мечтатель сочинилъ такіе стихи:

„Перо я обмакнулъ въ чернильницу,
Въ мою вѣрную кормилицу
И забѣгала по бумагѣ ручка,
Принося мнѣ въ гонораръ денегъ кучку.“

Развязный молодой человекъ этотъ — Мечтатель, но едва ли кто-либо повѣритъ ему, что чернильница состоитъ у него въ кормилицахъ. Отъ такой кормилицы черезъ три дня можно ноги протянуть.

Б. Провинція.

Харьковъ. — Гусару. Гусарь, на саблю опираясь, сочинилъ нижеслѣдующее:

„Струны я гитарныя
Трогаю рукой
Пѣсенки кошмарныя (?)
Напѣваю вечерней порой...“

Гусарь долженъ опираться на саблю. На перо ему опираться не слѣдуетъ: подломится перо — и упадетъ гусарь въ корзину.

Могилевъ. — Аб—сону. — Аб—сонъ, не страдая избыткомъ скромности, пишетъ просто и ясно въ препроводительномъ письмѣ:

— „Я чувствую себя на голову выше всѣхъ меня окружающихъ“.

Что изъ этого слѣдуетъ? Что на васъ можно съ пользой установить радіо-телеграфъ. Но разказовъ изъ военной жизни вамъ писать не надо.

Симферополь. — М. М. Оськину. — „Я тщательно одѣлся, воткнулъ въ грудь (?) булавку и полетѣлъ къ невѣстѣ“.

Индійскіе факиры продѣлывали подобные фокусы, но чтобы это могъ сдѣлать человекъ съ фамиліей Оськинъ — сомнѣваемся.

Разказъ любовно уничтоженъ.

Въ простр. — Корнелию Не-поту. — „Сочиняя стихи и прозу уже нѣсколько лѣтъ, имѣю честь спросить, могу ли я сдѣлаться въ „Новомъ Сатириконѣ“ чѣмъ-нибудь?“

Можете. Подписчикомъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Въ виду перехода редакціи, издательства и конторы „Новый Сатириконъ“ въ другое помѣщеніе—просимъ всю корреспонденцію направлять по новому адресу:

Петроградъ, Невскій, 88.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ
изданія

3-й годъ
изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 НОМЕРА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ. Нѣкоторые номера въ 8—9 красокъ. Въ теченіе года будетъ дано около 800 рисунковъ и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ.

3 ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ: **3**
БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ:

1 ТОМЪ „БОРДОВАЯ КНИГА“.

О ВОЙНѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ. (Причины войны. Кѣмъ она вызвана. Поведеніе Вильгельма. Подвиги нѣмцевъ Австрійцы, какъ таковыя. Теченіе войны — и проч.)

НВ. Сатириконцы отнесутся къ „Бордовой книгѣ“ съ подобающей серьезностью.

1 КНИГА-АЛЬБОМЪ „ОСИНОВЫЙ КОЛЬ“.

НА МОГИЛУ ЗЕЛЕНАГО ЗМІЯ. Роскошно иллюстрированное изданіе. (Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.)

1 КНИГА „ПИСЬМОВНИКЪ Нов. Сатирикона“.

Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцевальныхъ разговоровъ. Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „Нов. Сатирикона“ приобрести въ обществѣ такой вѣсъ и значеніе, которые вызовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе, съ примѣсь легкой тревоги.

Журналъ будетъ выходить при участіи слѣд. сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кузнецовъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлемань, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Ave), В. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, В. В. Войновъ, Евг. Вѣнскій, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Дальскій, А. Измайловъ, Красный, А. И. Купринъ, А. П. Каменскій, В. Князевъ, Г. Ландау, К. Милль (Полярный), С. Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Ор, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, А. Рославлевъ, Б. Саловскій, гр. Алексій Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Дм. Цензоръ, Г. Чулковъ и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	6 р. 50 к.	На годъ	9 р. 75 к.
„ 1/2 г.	3 „ 25 „	„ 1/2 г.	4 „ 90 „
„ 3 мѣс.	1 „ 75 „	„ 3 мѣс.	2 „ 45 „
„ 1 мѣс.	— „ 60 „	„ 1 мѣс.	— „ 90 „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентября — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣс. каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 15 коп.

Адресъ ред. и конт.: Петроградъ, Невскій, 88, Тел. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко. Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

Издательство „Новый Сатирикон“

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 88. — Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку не платятъ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Гг. книгопродавцы благоволятъ обращаться съ заказами въ складъ изданій:

Петроградъ, Невскій, 55, Книжный складъ „Земля“.

СКИДКА ОБЫЧНАЯ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.
„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Книга новыхъ разсказовъ.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.
„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПАРАДОКСЫ и СИЛУЭТЫ

Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 88.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.
„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.
Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.
„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумья.
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ БУХОВЪ.
МИНИАТЮРЫ.

Репертуаръ Петроградской „Летучей Мыши“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изд. „Театральныя Новинки“, Итальянская, 37.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства — за пересылку ничего не платятъ.

Вышло изъ печати 3-е изданіе новой книги

„Теплая компанія“.

(Съ кѣмъ мы воюемъ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу новыя книги
(выпуски Дешевой библіотеки):

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О НѢМЦАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“...**

Обложка работы РЕ-МИ.

СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.

О. Л. Д'Оръ

**ПРОВЛЯТІЕ
НАЧАВШИМЪ.**

Цѣна 10 коп.

Вниманію лицъ, желающихъ имѣть побочный заработокъ.

Газета „Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ“, стремясь развить дѣло повсемѣстно, принимаетъ агентовъ-сотрудниковъ на опредѣленное мѣсячное вознагражденіе и проценты.

ЖАЛОВАНИЕ НАЗНАЧАЕТСЯ ОТЪ 20 ДО 50 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ И ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ НОТАРИАЛЬНЫМЪ ДОГОВОРОМЪ, СРОКОМЪ НА ОДИНЪ ГОДЪ.

АГЕНТЪ-СОТРУДНИКЪ обязанъ сообщать редакціи ежедѣльно рыночныя цѣны своего района на продукты первой необходимости и о выдающихся событіяхъ. АГЕНТЪ-СОТРУДНИКЪ долженъ содѣйствовать распространенію нашего изданія и знакомить жителей своего района съ таковымъ, для какой цѣли ему будутъ высылаться каждую недѣлю извѣстное количество номеровъ газеты, которую онъ, въ свою очередь, долженъ раздавать своимъ знакомымъ и рассылать разнымъ лицамъ въ своемъ районѣ, чѣмъ будетъ отчасти достигаться рекламированіе нашего изданія, а также по доставленію объявленій.

ДѢЛО ОСНОВАНО НА ШИРОКОМЪ ДОВѢРІИ, А ПОТОМУ НИКАКИХЪ ЗАТРАТЪ, ЗАЛОГОВЪ И ОБЕСПЕЧЕНІЙ ОТЪ АГЕНТОВЪ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Никакая служба, никакой родъ занятій не могутъ служить препятствіемъ къ поступленію въ число агентовъ-сотрудниковъ, — наоборотъ, это желательнѣе даже.

Размѣръ настоящаго объявленія не позволяетъ изложить всѣхъ подробностей, а потому лицу, пожелавшему вступить въ число агентовъ-сотрудниковъ, необходимо обратиться въ контору газеты и ему будутъ высланы подробныя разъясненія, матеріалы и документы.

ПРИ ОБРАЩЕНІИ ВЪ КОНТОРУ ПРОСИМЪ ССЫЛАТЬСЯ НА НАСТОЯЩЕЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ, ИЛИ ПОСЛАТЬ ЕГО ВЪРЪЗКУ.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ не является возможнымъ учетъ продуктивности труда cadaго агента, въ виду чего контора НА СОБСТВЕННЫЙ РИСКЪ ПРИНИМАЕТЪ АГЕНТОВЪ-СОТРУДНИКОВЪ НА ГОДИЧНЫЙ СРОКЪ.

Примчаніе: Во избѣжаніе безполезнаго и значительнаго матеріальнаго ущерба отъ запросовъ лицъ, обращающихся въ контору газеты лишь изъ простаго любопытства, или съ цѣлью получить бесплатно газету и прочій матеріалъ, предлагаемъ желающимъ вступить въ число агентовъ-сотрудниковъ, — одновременно съ своимъ предложеніемъ высылать конторѣ газеты, въ возмѣщеніе почтовыхъ и прочихъ расходовъ по пересылкѣ газетъ, документовъ и т. п., почтовыхъ марокъ на 50 копѣекъ, каковая сумма ОБЯЗАТЕЛЬНО БУДЕТЪ ВОЗВРАЩЕНА по заключеніи нотариальнаго договора.

АДРЕСЪ ДЛЯ ПИСЕМЪ: Иркутскъ, Контора газеты „Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ“, Почтамская ул., № 18.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГР.: Иркутскъ, Капиталь.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
7-е изданіе книги

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О ХОРОШИХЪ ВЪ СУЩНОСТИ ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ разсказовъ.

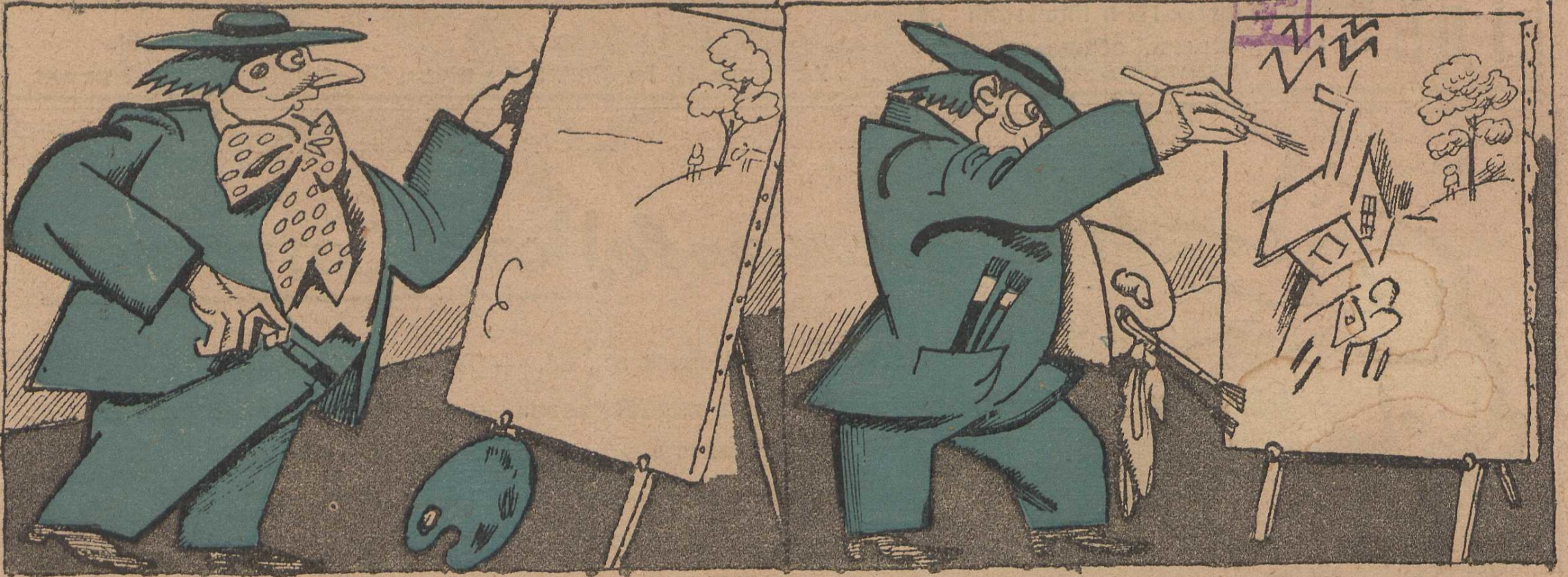
Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„Ленский Магазин“
 Р. № 750
 № 1890/1891

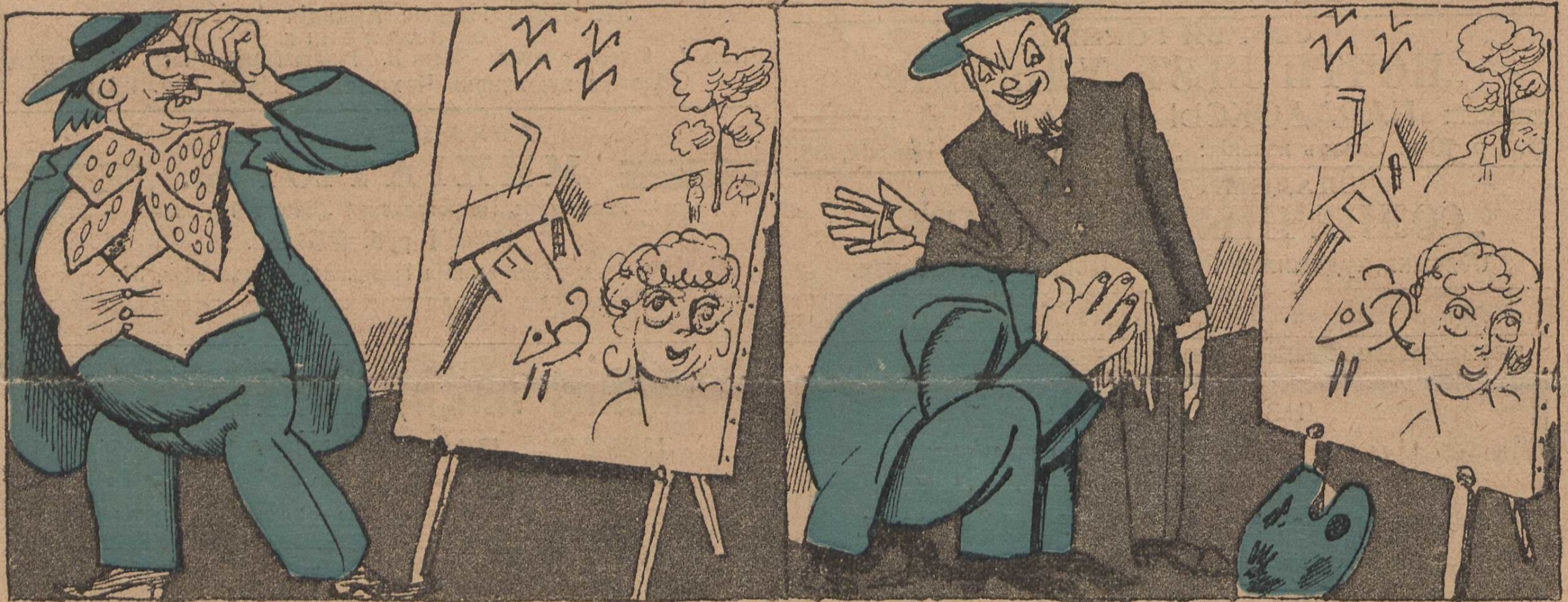
КЪ СЕЗОНУ ВЫСТАВОКЪ.
 (Посвящается вѣтъмъ обруганнымъ критикой.)

80
 057079 2/1
 Рис. А. Радакова.

Художникъ Писахинъ выбралъ красивый уголокъ и уже, не мудрствуя лукаво, хотѣлъ написать его, какъ вдругъ вспомнилъ слова критика Гнуськина: „Природа — это академизмъ, академизмъ — это природа!“ „А, можетъ быть, онъ правъ!“ подумалъ Писахинъ и сталъ писать по рецепту Гнуськина.

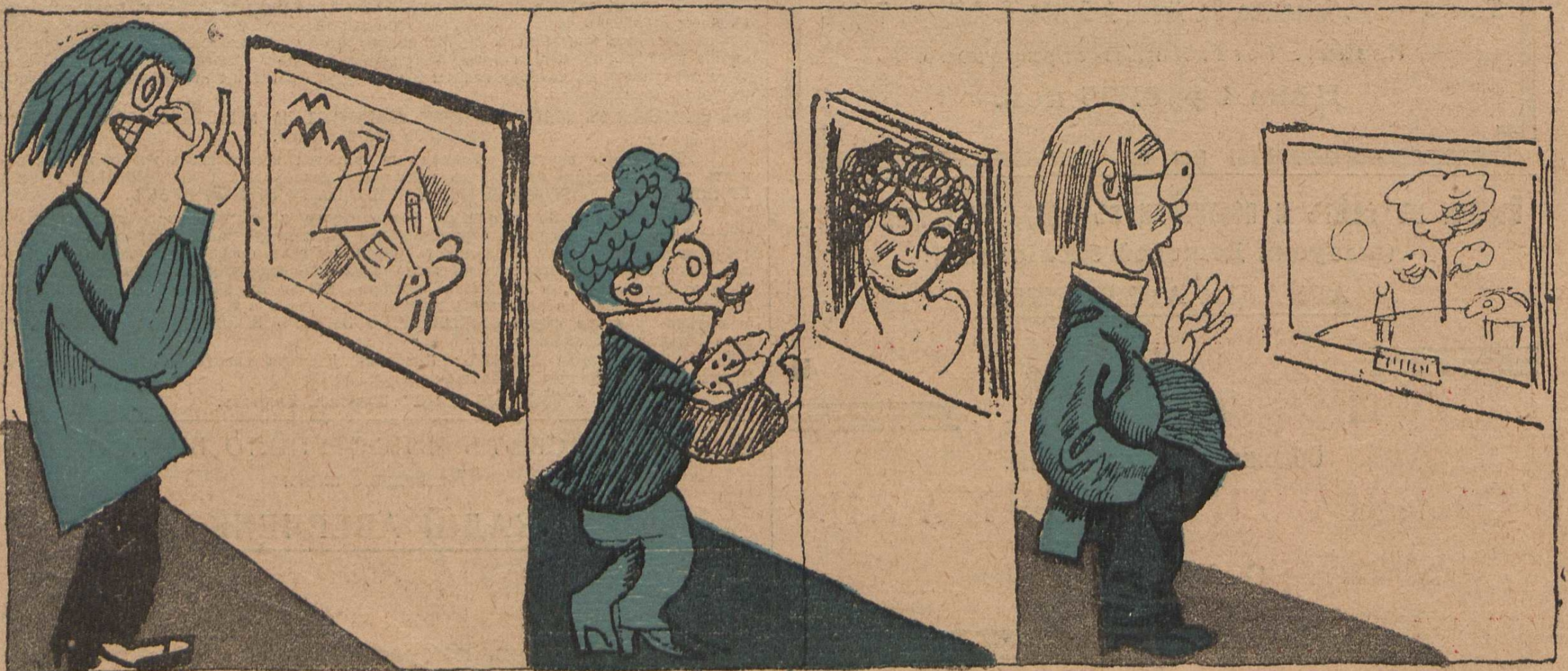
Работа спорилась... Вдругъ Писахинъ вспомнилъ статью о кубистахъ написанную въ журналѣ „Ревнующей трамвая“, — хорошая была статья. — „Чортъ подери... а, можетъ быть, кубисты и правы... попробуемъ!“

Выходить, дѣйствительно, — будущее за кубистами. Вотъ только жаль, что г. Брешко-Брешковскій ихъ не любитъ. Онъ говоритъ: „Нужно испанское солнце! Нужны андалузскія красавицы!“ Неужели, я обижу г. Брешку? Гм... Прибавимъ сюда и андалузенку!..

Писахинъ долго сидѣлъ передъ холстомъ и тихо-тихо плакалъ: „Бѣдный я, бѣдный, погубили меня критики! Гдѣ мое я, какъ таковое?..“

Не реви, — сказалъ ему его товарищъ Слякинъ, — ты счастливый, ты многогранный, ты впитывающій... разрѣжь картину на 3 части, только и всего.

Критикъ „Ревнующаго трамвая“: Писахинъ — нашъ! Это ясно, какъ туманъ въ носу самоѣда! Хвала тебѣ, революционеръ Писахинъ!!! Дорогу, деньги и славу таланту!“

Критикъ г. Бррр: „О, эта картина могла бы быть даже приложеніемъ къ „Пробужденію“. Слава г. Писахину, сумѣвшему въ туманѣ съвера найти Испанію! Хвала тебѣ, нашъ Зулоага!!!“

Критикъ Гнуськинъ: Какъ пріятно въ нашъ вѣкъ кубизма и всякой ерунды остановиться на выписанномъ пейзажѣ г. Писахина!.. Еще есть люди, которымъ дороги каноны академизма. Слава академику Писахину!“